

УХОДИТ ЭПОХА

* * *

Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трéпаный жизнью сосед-выпивоха
И как деревушка в болотах под Тверью.

Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит и всё! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.

Никто не помашет с порога платочком,
Никто не узнает про дату ухода.
Холодное пиво в тени по глоточку
Хлебают беспечная масса народа.

Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупо дождейкой впитается в землю.

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват –
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в гражданской толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь – не базар, только разницы нет:
Кто продаёт, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к счастливому старту...

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И по пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

Река и речь

Александрю Нестругину

Река разбудит плеском зори.
И эху утреннему в тон,
Перекликаясь, осокори
Рыбачить позовут на Дон.

Не одного, ни с кем придётся,
Не в разобщённости пустой,
А вместе с далью, синью, солнцем
И петушиной хрипотцой.

И в этой страсти пустяковой,
Когда полвека будто с плеч,

Взыграет рябью сквозняковой
Реки живительная речь.

Её чуть слышно над волною,
Стремнин гортанный говорок
Подхватит с лодкой надувную
И отнесёт за поворот.

Под лёгкий шёпот краснотала,
Под журавлиный трубный зов
Не смолкнет речь: в ней нет начала
И нет конца среди голосов.

* * *

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед – партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный – с конницей Будённый,
Белый – Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета пёстр, в былое канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью врываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться как – не знаю.

* * *

Гадать – привычка скверная,
Загадывать – излишняя...
Давайте будем вербами,
Рябинами да вишнями.

Давайте будем рыбами,
Молчащими и плоскими,
Чтоб страсти не могли бы мы
Сердечные выплёскивать.

Листвой с весны до осени
Шептаться без истерики
У речки ли, у просеки
Или в цивильном скверике...

Наверное, так проще нам
Себя с судьбою срачивать,
Любить в себе всё прошлое,
Ругать всё настоящее...

* * *

Ты скажи мне, какое нам время по вкусу
И бывает ли вкус вообще у времён,
Если люди, подобно болотному гнусу,
Облепляют его изнутри испокон?

Я давно усомнился в своих ощущениях.
От любви – лишь тоска, от восторга – лишь вздох.
Виновато ли время в моих превращениях?
По-другому хотел, но наверно, не смог.

Я себя отдаю на потребу то дням, то годинам.
Перемешано всё, и утерян отточенный вкус.
И гуляет луна по отглаженным фалдам гардины,
Будто пробует сердце на новый искус.

И гнусавит по телеку поздний ведущий.
Надрывается в песне любви соловей...
В этом времени кто я – зовущий, поющий
Или просто бредущий дорогой своей?

* * *

Когда-то был я октябрёнком,
Носил на помочах штаны.
Зато желанным рос ребёнком
У мамы, папы и страны.

Когда-то был я пионером –
К добру и помощи готов.
Для малышей служил примером,
Надеждою – для стариков.

Когда-то был я комсомольцем.
Нас юность к подвигам звала.

И верил я, что жизнь даётся
Вершить великие дела.

Когда-то был я коммунистом.
Ум, честь и совесть – всё при мне.
Шагал под знаменем лучистым
С мечтой о счастье и стране.

Когда-то был я тем и этим,
С реальным именем, судьбой.
Теперь я ник в глобальной Сети,
Мне никогда не стать собой.

* * *

Назад обернусь – докучно,
Вперёд загляну – тревожно.
Высокая дремлет тучка,
Ей всё в этом небе можно.

Ей можно дождём пролиться,
А можно и в речку кануть...
В ней прошлое не толпится
Мгновеньями и веками.

В ней будущее туманно,
Как звёздная пыль над дачей...
И кажется очень странным,
Что всё у людей иначе.

* * *

За трепетной гранью
Архивной любви –
Окошко с геранью,
Ладонки твои.

Насквозь пропылились,
Срослись со стеклом...
Мы в нём отразились –
Два неба в одном.

Хожу, не вступаю
Ни в спор, ни в борьбу.

Я знаю, я знаю,
Что память – табу.

У памяти много
Таких же, как я.
Любовь и тревога –
Одна колея.

Покой не нарушу...
Сквозь тонкую грань
Ладонками в душу
Свисает герань.

* * *

Дачный сюжет с виноградной лозой.
Скручены плети дымок от кострища...
Новый сезон открываем с тобой
В круговороте земной колготици.

Радуюсь людям, галдят воробьи,
Облюбовали корявую грушу.
Что ещё нужно для поздней любви?
Чем оживить зимовавшую душу?

Годы для сердца – не рай и не ад.
Март раздувает от важности ноздри...
Ладим к опорным прутам виноград,
Чтобы продлить себя в солнечной грозди.